

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ САМОУБИЙСТВА КРОТКОЙ В ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Алина Лукашова

Институт языков и культур Балтийского региона

Вильнюсский университет, Литва

E-mail: alina.lukashova@flf.stud.vu.lt

Резюме. В статье дается краткий обзор противоположных истолкований повести Федора Достоевского «Кроткая», связанных с проблемой интерпретации самоубийства главной героини. Несмотря на обилие различных трактовок суицида, от биографических до религиозных, мало внимания уделяется комментариям с использованием психологического подхода. В свете этого автор статьи пытается расширить понимание причин самоубийства главной героини, опираясь на теорию деструктивного влечения, разработанную Сабиной Шпильрейн. В статье дается характеристика концепции деструктивного влечения, особое внимание уделяется тому, как деструктивное влечение проявляется у главной героини повести.

Ключевые слова: Достоевский, Шпильрейн, «Кроткая», самоубийство, деструкция.

ON THE PROBLEM OF INTERPRETING KROTKAYA'S SUICIDE IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL *KROTKAYA/A GENTLE CREATURE*

Alina Lukashova

Institute for the Languages and Cultures of the Baltic

Vilnius University, Lithuania

Abstract. The article examines Fyodor Dostoevsky's story *Krotkaya* (also titled *A Gentle Creature*) in the context of the interpretation of the main character's suicide and provides a brief overview of opposing interpretations of the work. Despite the abundance of different interpretations, from biographical to religious connotations of the story, little attention has been paid to interpretations using a psychological approach. In connection with these, the author of the article proposes to expand the interpretation of the main character's suicide from moral and ethical to psychological motives, by relying on the theory of destructive attraction developed by Sabina Spielrein. The article characterizes the concept of destructive drive and pays special attention to the issue of illustrations of the manifestation of the destructive drive directly from the main character of the story.

Keywords: Dostoevsky, Spielrein, *A Gentle Creature*, suicide, destruction.

Тема самоубийства очень интересовала самого Федора Достоевского, о чем свидетельствуют посвященные этому очерки¹, и продолжает интересовать исследователей его творчества. Суицид в текстах Достоевского широко изучен с разных сторон такими авторами, как Николай Наседкин (Наседкин, 2002), Людмила Сараскина (Сараскина, 2022), Патрик Лекеш (Лекеш, 2022), Луи Аллен (Аллен, 2000), Александр Моторин (Моторин, 2021) и другие. Одни исследователи останавливаются на биографических, другие – на морально-этических или религиозных аспектах текстов, однако немногие используют психологический подход к произведениям.

Как пример противоположных интерпретаций ситуаций самоубийства приведем точки зрения Аллена и Лекеша. Аллен распределяет самоубийства и самоубийц у Достоевского на 3 категории: 1) *материальный отказ от Бога*, в крайних случаях приводящий к удушливой, смертельной скуке (Кириллов). Такой тип Аллен называет также «идеологическим» самоубийством, при котором «логика» вступает в конфликт с жизнью; 2) *пресыщенность жизнью* или полный отказ от морали (Свидригайлов и Ставрогин); 3) *самоубийство-крик, мольба о помощи* (Кроткая). Такое самоубийство, пишет Аллен, диаметрально противоположно по свойствам и обстоятельствам суицидам Ставрогина и Свидригайлова. По словам Аллена, самоубийство у Достоевского – это чисто «мужской атрибут», вероятно, из-за того, что имеет признаки бунта против жизни, а вот так называемое «женское» самоубийство – образец смирения и кротости (Аллен, 2000, с. 229–230). Аллен также утверждает, что «Кроткая без вины виновата, поскольку, во-первых, ее любящему сердцу *некого любить*, а, во-вторых, *путь к стихии для нее отрезан*. Она глухо, беспомощно тоскует по космосу, и единственное оставшееся у нее средство, чтобы слиться с ним воедино, – броситься в окно» (Там же, с. 234). Он выделяет и третий пункт – это материальная нужда, хотя его значение иногда преуменьшается Достоевским (Там же).

Лекеш использует психологический подход к интерпретации самоубийства Кроткой. Исследователь отмечает, что в поведении героини присутствуют подробно описанные суицидальные мотивы: нерешительность, жизненные проблемы, неспособность воспринимать и

1 «Два самоубийства» (1876), «Приговор» (1876), «О самоубийстве и высокомерии» (1876).

искать любовь, уход, изменчивое или агрессивное поведение и т. д. Лекеш усмотрел и наличие токсичной любви, которая также мотивировала суицид Кроткой (Лекеш, 2022, с. 93).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы расширить понимание психологических мотивов, лежащих в основе самоубийства Кроткой, а также в попытке выйти за рамки привычных морально-этических интерпретаций, опираясь на метод психоанализа и концепцию деструктивного влечения, разработанную российским психоаналитиком Сабиной Шпильрейн².

В 1909 г. Шпильрейн высказала предположение, что наряду с сексуальным влечением существует влечение к разрушению и уничтожению жизни. Позже предположение было разработано в теорию и изложено в докторской диссертации «Деструкция как причина становления»³. Основой теории Шпильрейн послужил опыт ее аналитической работы, а мотивировкой к исследованию вопрос: «Почему одно из мощнейших сексуальных влечений, стремление к продолжению рода, наряду с ожидаемыми положительными чувствами предоставляет приятные негативным эмоциям, таким как страх и отвращение, если они по сути своей должны быть преодолены, чтобы в итоге прийти к позитивным действиям» (Шпильрейн, 2008, с. 109).

Юрий Вагин подмечает, что «Шпильрейн, так же, как позднее З. Фрейд⁴, ссылается на биологические факты, указывающие на то, что многие живые существа погибают непосредственно в момент произведения новой жизни и нового поколения. Высокоорганизованный организм, естественно, не весь разрушается в момент полового акта, но уничтожаются его важнейшие элементы: мужская часть растворяется в женской, а женская благодаря внедрению чужого захватчика начинает интенсивно перестраиваться и разрушаться. При этом чувство наслаждения, заложенное в инстинкте продолжения рода, так и страх и отвращение соответствуют разрушительным компонентам самого сексуального влечения» (Вагин, 2012, с. 46).

По мнению Шпильрейн, в человеке существует два желания: жить (самосохранение, продолжение рода) и умереть. Эти два инстинкта не противоречат друг другу, а наоборот, они образуют синтез. Приведем

2 Сабина Шпильрейн (1885–1942) – российская психиатр и психоаналитик.

3 Диссертация была защищена в 1912 г. в Венском университете.

4 В 1920 г. вышла его работа «По ту сторону принципа удовольствия», с которой, как принято считать, началась история развития теории влечения к смерти.

пример, который использует Шпильрейн, ссылаясь на Карла Юнга: быть плодотворным – означает разрушать себя, потому что со становлением последующего поколения предыдущее переходит свою кульминационную границу (Шпильрейн, 2008, с. 110). То есть рождение влечет за собой смерть рождающего. Шпильрейн не анализирует конкретные произведения, как примеры она использует случаи своих пациенток. Мы же попытаемся обнаружить признаки деструктивного влечения и проявления деструкции у главной героини повести Достоевского «Кроткая».

Первым деструктивным элементом, на котором строится вся концепция Шпильрейн, является *негативное отношение к сексуальной деятельности*. Здесь психиатр ссылается на Юнга, который утверждал, что страх перед эротической судьбой есть страх неизвестности. Такой страх, по Юнгу, особенно остро проявляется у *невротиков*: они отказываются рискнуть, стоят в стороне, чтобы не быть втянутыми в центр борьбы за жизнь. А кто отказывается рисковать, тот будет подавлять искушение совершить самоубийство. Размышления о смерти часто появляются в результате нереализованности и/или отказа от эротических желаний (Шпильрейн, 2008, с. 110).

В повести этому рассуждению может соответствовать эпизод сватовства толстого лавочника: «Тогда вечером приехал купец, привез из лавки фунт конфет в полтинник» (Достоевский, 1982, с. 11)⁵. Девушка не ест конфеты, т.е. она отказывается от приема пищи и тем самым отказывается от символического соития. Согласно Шпильрейн, потребление пищи и инстинкт продолжения рода тесно связаны, еда иногда может символизировать акт соития (Шпильрейн, 2008, с. 116).

Мотив нереализованной близости пронизывает и сюжет отношений между Кроткой и ее мужем. Сначала ростовщик (супруг Кроткой) сам отвергает любое проявление или намек на близость. Когда девушка с нежностью встречала мужа, ее порывы сразу пресекались, эмоциональные объятия отвергались, а потом супруги и вовсе приобрели раздельные кровати: «Главное, она с самого начала, [...] встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) всё свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать. Но я всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой» (13); «С ее стороны раз или два были порывы,

5 Далее повесть «Кроткая» цит. по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

бросалась обнимать меня; [...] я принял холодно» (15); «[...] пошел на рынок и купил железную кровать и ширмы» (22). Позже уже сама Кроткая отвергает намек на близость: «<...> я взял ее за руку, <...> Она опять вздрогнула и отшатнулась <...>» (28). Ростовщик бросается Кроткой в ноги, хочет поцеловать их, но та отскакивает. Потом признание в любви и высказывание намерения все время целовать ее руки и платье завершаются истерическим припадком героини, т.е. момент близости прерывается и отвергается.

Следующий признак деструкции – *невроз*, который обостряет влечение к смерти. В неврозе доминируют деструктивные компоненты, во всех его симптомах выражается противление жизни и естественной судьбе. Шпильрейн пишет, что у невротиков особенно ярко выражаются навязчивые мысли о бренности существования; невротики ждут подходящего момента или символа для демонстрации своей деструктивной фантазии (Шпильрейн, 2008, с. 126). Согласно энциклопедии Кольера, перечень симптомов невроза включает в себя резкие смены настроения, затруднение в общении, гиперчувствительность к незначительным стрессовым факторам, нерешительность. Сопоставив эти симптомы с изображенным Достоевским характером, можно предположить, что у главной героини повести есть признаки невроза: «[...] и я не удержался и вдруг сказал ей что-то, вроде как бы остроты. Батюшки, как вспыхнула!» (7). К этому добавляется практически бессловесное общение ростовщика и Кроткой и ее редкие выходы на люди. Описанная выше ситуация с целованием рук, ног, любовным признанием может быть стрессовым фактором для девушки, а примером ее нерешительности может служить ситуация с револьвером, когда девушка хочет, но не осмеливается выстрелить в мужа.

Шпильрейн называет еще один аспект, способствующий деструкции: это нездоровая любовь между партнерами. Психолог пишет, что в любви следует различать два направления: то, как любит сам человек, и то, как любят его. В первом случае человек сам является субъектом и любит спроецированный им вовне объект, во втором – человек превращается в возлюбленного и уже любит себя в качестве объекта своей любви (Шпильрейн, 2008, с. 131). По Шпильрейну, у мужчин, имеющих своей задачей покорение женщины, господствуют субъект-представления, а у женщин, которые заманивают мужчин, обычно побеждает обратное представление: «[...] Соответственно содержащимся в сексуальном инстинкте деструктивным компонентам более активный

человек – мужчина – имеет и больше садистических желаний: такой человек будет стремиться разрушить любимую, а женщина, которая скорее будет представлять себя в виде объекта любви, пожелает подвергнуться деструкции», однако эти проявления могут выражаться и наоборот: «женщина может быть садистичной, а мужчина – мазохистичным», так как каждый человек бисексуален (Там же, с. 131–133).

Обратимся к Достоевскому. Так же, как ростовщик издевается над Кроткой, так и она издевается над ним: шантажирует его прошлым, назло мужу встречается с его бывшим сослуживцем. При этом моральный садизм со стороны девушки переходит в физический: «Она стояла у стола и держала в руках револьвер. Она не видела, что я проснулся и гляжу. И вдруг я вижу, что она стала надвигаться ко мне с револьвером в руках. [...] Она смотрела прямо на меня, мне в глаза, и револьвер уже был у моего виска. Глаза наши встретились» (21). Как пишет Шпильрейн, когда любовь отсутствует, «тогда представлением об изменении в душе или теле индивидуума под влиянием чуждой власти нелюбимого человека окажется представлением об уничтожении или смерти» (Шпильрейн, 2008, с. 140).

По теории Шпильрейн, деструктивное влечение не ограничивается неврозом, отказом от сексуальных желаний и токсичными отношениями. Важен еще травматический опыт прошлого и настоящего, всевозможные травмы и трудности, которые накладываются извне. В повести Достоевского травматическое прошлое и настоящее – это смерть родителей, издевательство родных («У теток три года была в рабстве. [...] Детей теткиных учила, белье шила, а под конец не только белье, а с ее грудью, и полы мыла. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Кончили тем, что намеревались продать. Тьфу!» [10]), мужа (примеры издевательств мужа были приведены выше), безденежье (неоднократное закладывание вещей в ссудную кассу, брак по расчету). Все это выбивает почву из-под ног (в случае с Кроткой это выражение можно понять буквально), нарушает ментальное и психическое состояние, которое обостряется и сопровождается, как указано выше, неврозом и влечением к смерти. По мнению Шпильрейн, влечение к смерти не есть что-то противоестественное. Наоборот, это процесс, заложенный в человеке наряду с инстинктом самосохранения. Это суждение подтверждают и слова Фрейда: «Если мы признаем как не допускающий исключений факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам внутренним, то мы можем лишь сказать, что цель

всякой жизни есть смерть, и заходя еще дальше, что неживое существовало прежде живого» (Фрейд, 1969, с. 52). Значит, всякое живое существо стремится вернуться к прежнему состоянию.

Рискнем предположить, что самоубийство Кроткой – это не просто проявление безысходности и акт смирения, это обновление, «перезапуск», возможность вернуться к первоначальному состоянию, переродиться. Можно допустить, что суицид, тяга к смерти или деструктивное влечение – это инстинктивное действие, которое помогает нажать «кнопку перезагрузки».

Подводя итоги: интерпретация повести Достоевского и образа Кроткой с опорой на теорию Шпильрейн помогает расширить рамки прочтений известного текста, дополняя, а не отрицая его смыслы. Такой подход показывает, что в своих произведениях Достоевский уделял немалое внимание психической жизни персонажей, и отдельные образы и сюжетные повороты в его произведениях могут служить иллюстрациями к выдвигаемым позднее научным проблемам.

Литература

- Аллен, Л., 2000. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского. *Достоевский: материалы и исследования*. Москва: Наука. Т. 15, с. 228–236.
- Вагин, Ю., 2012. Теория деструктивного влечения Сабины Шпильрейн. *Суицидология*, 1. Тюмень: М-центр, с. 43–49.
- Достоевский, Ф.М., 1982. Кроткая. Достоевский, Ф.М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Ленинград (Санкт-Петербург): Наука. Т. 24, с. 5–36.
- Лекеш, П., 2022. Вопросы самоубийства в произведении Достоевского «Кроткая»: (психологический подход). *Slavica litteraria*, 25, 1. Брно: Университет имени Масарика, факультет искусств, с. 85–94.
- Моторин, А., 2021. *Кроткая ли кроткая? Достоевский о самоубийствах*. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/137260.html> [см. 10 10 2023].
- Наседкин, Н.Н., 2002. Тема самоубийства у Достоевского. *Литературоведческий журнал*, 16, с. 163–170. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-samoubiystva-u-dostoevskogo/viewer> [см. 10 10 2023].
- Сараскина, Л.И., 2022. «Никого не винить...» Предсмертная записка как штрих к портрету героя. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 1(17), с. 63–99. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikogo-ne-vinit-predsmertnaya-zapiska-kak-shtrih-k-portretu-geroya/viewer> [см. 10 10 2023].
- Фрейд, З., 1969. *По ту сторону принципа удовольствия*. / Пер. Л.А. Голлербах. Под ред. Е. Жиглевич. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd. Т. 1, с. 23–77.

- Шпильрейн, С., 2008. *Деструкция как причина становления*. Пер. с нем. С. Жигулевой. Ижевск: ERGO, с. 109–155.
- Энциклопедия Кольера* // <https://entsiklopediya-kolera.slovaronline.com/7626D0%9D%D0%95%D0%92%D0%A0%D0%9E%D0%97> [см. 10 10 2023].

References

- Allen, L., 2000. “Krotkaja” i samoubijcy v tvorcestve Dostoevskogo. *Dostoevskij: materialy i issledovanija*. Moskva: Nauka. T. 15, s. 228–236.
- Dostoevskij, F.M., 1982. Krotkaja. Dostoevskij, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 t*. Leningrad (Sankt-Peterburg): Nauka. T. 24, s. 5–36.
- Frejd, Z., 1969. *Po tu storonu principa udovol'stvija*. / Per. L.A. Gollerbah. Pod red. E. Zhiglevich. London: Overseas Publications Interchange Ltd. T. 1, s. 23–77.
- Jenciklopedija Kol'era*. <https://entsiklopediya-kolera.slovaronline.com/7626%D0%9D%D0%95%D0%92%D0%A0%D0%9E%D0%97> [sm. 10 10 2023].
- Lekesh, P., 2022. Voprosy samoubijstva v proizvedenii Dostoevskogo “Krotkaja”: (psihologičeskij podhod). *Slavica litteraria*, 25, 1. Brno: Universitet imeni Masarika, fakul'tet iskusstv, s. 85–94.
- Motorin, A., 2021. *Krotkaja li krotkaja? Dostoevskij o samoubijstvah*. <https://pravoslavie.ru/137260.html> [sm. 10 10 2023].
- Nasedkin, N.N., 2002. Tema samoubijstva u Dostoevskogo. *Literaturovedčeskij zhurnal*, 16, s. 163–170. <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-samoubijstva-u-dostoevskogo/viewer> [sm. 10 10 2023].
- Saraskina, L.I., 2022. «Nikogo ne vinit'» Predsmertnaja zapiska kak shtrih k portretu geroja. *Dostojevskij i mirovaja kultura. Filologičeskij zhurnal*, 1(17), s. 63–99. <https://cyberleninka.ru/article/n/nikogo-ne-vinit-predsmertnaya-zapiska-kak-shtrih-k-portretu-geroja/viewer> [sm. 10 10 2023].
- Shpil'rejn, S., 2008. *Destrukcija kak prichina stanovlenija*. Per. s nem. S. Zhigulevoj. Izhevsk: ERGO, s. 109–155.
- Vagin, Ju., 2012. Teorija destruktivnogo vlečenija Sabinj Shpil'rejn. *Suicidologija*, 1. Tjumen': M-centr, s. 43–49.